Дмитрий
ЖУКОВ

Русские БИОГРАФИИ

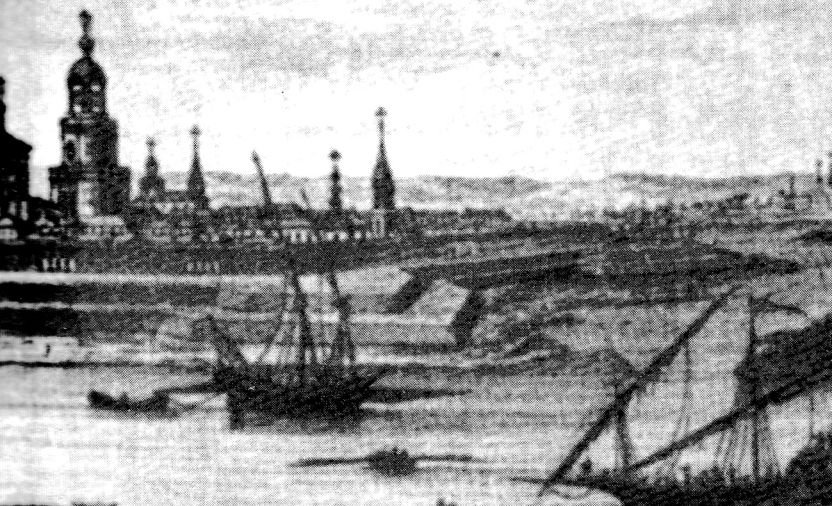
Том первый

Дмитрий
Жуков

Русские биографии

Том первый

ББК 84. Р 7
Ж 86

Жуков Д.А.
Ж 86 РУССКИЕ БИОГРАФИИ. — М.: Воскресенье, 2003. — С. 688, ил.

В настоящий том собрания сочинений крупного русского писателя, литературоведа, переводчика Дмитрия Жукова вошли произведения, повествующие о неординарных личностях отечественной истории, людях с сильными, самобытными характерами, чья деятельность так или иначе повлияла на судьбу России, на то общество, в котором мы сегодня живем. Речь в книге идет о знаменитом бунтаре протопопе Аввакуме, ученом В. Малышеве, художнике В. Верещагине, террористе и писателе Б. Савинкове, генерале Скобелеве.

ISBN 5–88528–299–4 ББК 84. Р 7

Ж $\frac{4702010200—22}{К56\ (093)—2003}$

© Жуков Д.А., 2003
© Воскресенье, оформление М. Георгиев, 2003

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Серия книг, созданных Дмитрием Жуковым, позволяет назвать его одним из самых живых и интересных писателей в сегодняшней литературе.

Русскому литератору, кажется, самой природой приуготовлено быть широким, многогранным: Ломоносов говорил об универсальности русского языка, Достоевский о всемирной отзывчивости русского человека. Но самые большие дарования не явят плодов, если в человеке нет некоего «гвоздевого», объединяющего начала, если его силы, пусть немалые, идут вразброс.

Что же служит стержневым, магистральным началом в творчестве Дмитрия Жукова?

В идейном смысле это тема патриотическая, тема любви к России, старой и новой, древней и современной. «Корни» — так назвал он одну из своих двадцати пяти книг, вкладывая в это заглавие простой и мудрый смысл, раскрывая его значение словами: «Живое чувство патриотизма должно проявляться естественно, на основе гордого сознания крепости и вечности тех глубинных корней, из которых выросла наша культура. Величие народа покоится на его прошлом, и давнем и недавнем. Отними это прошлое, и останется просто громадная пестрая толпа, неспособная строить свою будущность».

Эта тема потребовала отправиться в далекое путешествие вместе с ученым Владимиром Ивановичем Малышевым, когда писался «Протопоп Аввакум». Она заставила Дмитрия Жукова увидеть нечто общее, чем наделены герои его произведений, такие далекие друг другу люди, как замечательный поэт и драматург Алексей Константинович Толстой и великий русский борец Иван Поддубный, выдающийся художник Василий Верещагин и террорист Борис Савинков.

Диапазон интересов писателя велик. Известны его очерки о Грибоедове, Достоевском, Льве Толстом и других писателях, о знаменитом политическом деятеле В. В. Шульгине, о художниках и реставраторах, о русских городах и монастырях, его книги об абхазском крестьянине Аршба, классике сербской литературы Бранславе Нушиче, вожде иранской революции имаме Хомейни... Но для этого своего двухтомника «Русские биографии» он выбрал вещи, охватывающие всю жизнь героев, следовал стержневой своей теме.

В художественных исканиях Дмитрия Жукова объединяющим началом стало стремление расширить русло складывающегося на наших глазах, возникающего на пересечении традиционных форм жанра, который сегодня можно было бы с некоторой долей условности определить как «роман-биография», «роман жизни».

«Любая человеческая жизнь, а тем более жизнь людей замечательных, так обильна событиями и переживаниями, что писатель, посвятивший себя этому жанру, может проявляться в полной мере, насколько хватит духу и таланта», — заметил в своей книге «Биография биографии» Дмитрий Жуков. И, прочитывая подряд его произведения, воочию видишь, как все более уравновешенно, гармонично соединяются в них документальность и художественность, глубокая фактографическая основа и юмор, выдумка, фантазия, наконец, то самое вещество искусства, которое Бальзак охарактеризовал как «излишество мысли».

Биографию своего героя Дмитрий Жуков — трудом и талантом — делает фактом собственной внутренней, интимной жизни, отправляясь с ним не только в географическое путешествие, но и в «путешествие души».

Писатель чутко уловил еще более возросшую сегодня потребность в такой литературе, которая бы сочетала, соединяла в себе правду факта с осторожным художественным вымыслом. Владея знанием документальной правды прошлого, Дмитрий Жуков улавливает такие связи, которые придают его художественным биографиям романную,

даже драматургическую сюжетность. Так, рассказывая об огнепальном, неистовом Аввакуме, он строит свое документальное повествование по чисто художественным законам. Дмитрий Жуков ищет в самой давней жизни драматическое, драматургическое начало и только выявляет его (подобно тому, как искусный резчик по камню открывает, освобождает сокрытый в нем природный рисунок). Сама жизнь сблизила истоки судеб двух знаменитых в русской истории духовных и общественных деятелей — Аввакума и Никона, которые вели непрерывный и непримиримый диспут... «Роман-биография», «роман жизни» позволяет донести до нашего дня далекие лица, голоса, язык, тот «природной язык», который любил протопоп Аввакум.

В движении жанра, его развитии особое и важное место занимает повесть Дмитрия Жукова «Владимир Иванович», где жизнь знаменитого бунтаря-протопопа искусно увязана с судьбой собирателя старинных рукописей, ученого-фанатика Владимира Ивановича Малышева. Здесь оба характера, несмотря на все исторические, социальные, временные и прочие контрасты, в чем-то дополняют друг друга. Охотник за литературным наследием Аввакума, наш современник доктор филологических наук Малышев предстает одержимым, несгибаемым, страстным собирателем «старины», охранителем «корней», без которых вянет древо нации.

Он — подлинный «герой нашего времени», вопреки новым веяниям, отдающим предпочтение накоплению ценностей материальных богатству духовному, а также безумному желанию принизить патриотическое чувство, сделать так, чтобы само слово «патриот» стало едва ли не ругательным. Бескорыстие Малышева, его трудолюбие и подвижническое стремление сохранить, разыскать бесценные сокровища — древние рукописи, — все это окружает его фигуру ореолом подлинного величия. Дмитрий Жуков не скрывает мелких бытовых слабостей своего героя, но без них образ оказался бы засушенным, стал бы безжизненным, словно дистиллированная вода.

Мы углубляемся в «быль-сказку», путешествуя вместе с Малышевым и автором книги на Север в поисках рукописей, слышим живой, невыдуманный говор тамошних русских крестьян, которые знают десятки поколений своих предков и «родовиты как дворяне».

Отталкиваясь от созданного Аввакумом «Жития», Дмитрий Жуков стремится, и не без успеха, придать своему повествованию тот же страстный тон, тот же эмоциональный накал, обращается к живописному, идущему от грубовато-яркого просторечия слогу.

Что это?

И не историческая биография, и не роман в традиционном понимании, а нечто иное, новое, чему еще нет точного определения. Этот жанр, вобравший в себя достоинства художественной прозы, отказывается от вымысла как художественной стихии и остается в пределах доверия реально существующей жизни.

Но не обедняет ли это фантазию, не обедняет ли творческую дерзость? Ничуть не бывало! Сколько, к примеру, выдумки, неистощимой фантазии, явного и скрытого пародирования читатель найдет в книге Дмитрия Жукова «Козьма Прутков и его друзья», первая часть которой включена в «Русские биографии»! Это ли не юмористический роман, не роман-мистификация, где вымышленный персонаж — Козьма Прутков — беседует, спорит, путешествует вместе со своими создателями: братьями Жемчужниковыми и А. К. Толстым?!

Последнему посвящена вышедшая впервые в серии «Жизнь замечательных людей» книга, пронизанная любовью автора к своему персонажу. Умный, сильный, ироничный (ирония и тут дает волю Дмитрию Жукову в преподнесении колоритных сцен) Алексей Константинович предстает перед нами настоящим «рыцарем», как его называли могучие современники. Вслед за Грибоедовым и Пушкиным он весь растащен на цитаты и поговорки. И какой же должна быть богатой и обильной наша словесность, если

литературоведы задвинули А. К. Толстого вместе с Тютчевым во второй ее ряд!

И тут же фигура террориста Бориса Савинкова, выступавшего в литературе под псевдонимом «В. Ропшин». В связи с событиями последнего времени история его жизни вновь обрела актуальность, его мысли, поступки, терзания, всеобщее провокаторство, кровь и смерть людей заставляют Дмитрия Жукова прибегать к мрачным аллюзиям, искать корни нынешних бед в ошибках и заблуждениях сравнительно недавнего прошлого.

Дмитрию Жукову помогает долгая военная служба — боевые действия в его произведениях изображаются не понаслышке. Не мешают и обширные лингвистические познания. Он перевел около сотни произведений английских, американских и югославских писателей — Уэллса и Голсуорси, Джека Лондона и Стейнбека, Конан-Дойла и Даррела, Нушича и Глишича... Он был одним из первых среди тех, кто пытался применить электронную технику для решения филологических задач, и его логические схемы действуют в программах современных компьютеров. В результате появились его увлекательно написанные книги «На руинах Вавилона», «Загадочные письмена», «Переводчик, историк, поэт?», «Мы — переводчики». Замечательный историк и литературовед, ныне покойный, Вадим Кожинов прозорливо писал об этих книгах Дмитрия Жукова, что это «простое и точное повествование о поисках автора, об его участии в кропотливой и, казалось бы, прозаичной и будничной работе. Но, отбрасывая ложную «романтику» кибернетических мифов, автор открывает подлинную, объективную романтику новой отрасли человеческой деятельности».

В один год с книгой о протопопе Аввакуме в серии «Жизнь в искусстве» вышел большой труд Дмитрия Жукова о замечательном сербском драматурге и юмористе Браниславе Нушиче, написанный в духе его героя — иронично и живо. Известный поэт и переводчик Пушкина и дру-

гих русских классиков Божидар Ковачевич писал в белградской газете «Политика»: «Монография Д. Жукова, имеющая аромат романизированных биографий, превзошла все, написанное до сих пор о Нушиче... Дмитрий Жуков своей книгой воздвиг в Москве памятник Браниславу Нушичу, достойный его творчества и славы».

Известны сотни его повестей, рассказов, очерков, статей, публиковавшихся на полосах центральных газет, в «Огоньке», «Новом мире», «Молодой Гвардии», «Нашем современнике», «Москве», «Роман-газете» и других толстых и тонких журналах. Едва ли не каждый год он удостаивался журнальных премий «за лучшее произведение года» и даже медали «Золотое перо». До сих пор помнится его яркая публицистика. «А там Дмитрий Жуков и «шарахнул» превосходную статью в «Литературной России» под названием «Кто восстановит памятник?», — писал впоследствии Владимир Солоухин в своем очерке «Время собирать камни».

Дмитрий Жуков основал альманах «Памятники Отечества», был сопредседателем «Фонда славянской письменности и культуры», возглавлял «Общество русско-сербской дружбы». Он — почетный гражданин города Боровска, связанного с именами протопопа Аввакума и боярыни Морозовой, создал там благотворительный фонд своего имени.

Но никакие общественные начинания не могут затмить творчества одного из самых интересных и живых писателей нашей литературы. В последнее десятилетие увидели свет его книги «Прозрения. Россия на Голгофе», «Таинственные встречи», «Имам Хомейни», избранные произведения в двух томах.

Перо Дмитрия Жукова обладает редкостным свойством: оно оживляет все, к чему прикасается. Самые непохожие, полярные фигуры, самые далекие друг другу жанры — жанры-антиподы — покоряются этому веселому и точному перу, этой крепкой, талантливой руке.

Доктор филологических наук
Олег Михайлов

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Повесть

Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер можно только при самом сильном развитии личности.

Ф. М. Достоевский

1

От Нижнего Новгорода до села Григорова по нынешним понятиям рукой подать — семьдесят километров по прямой. Раскинулось оно на трех холмах в этих «нижегородских пределах». Каменные дома с большими окнами потеснили в Григорове рубленые избы. Но остался пруд, питаемый ключами, о которых говорится в писцовой книге XVII века.

Над прудом теперь стоит памятник протопопу Аввакуму. Воды утекло много, а небо все то же, и в небе кружат голуби. Аввакум тоже в юности любил гонять голубей. Вечером в небе зажигаются те же звезды, что были свидетелями его свиданий с Настей.

Пахнет разогретой пылью, земля хранит дневное тепло. В мыслях все вяжется в единый узел, и прошлое, и настоящее, и будущее. Ничего не остается, кроме простого и надежного. Приложи ухо к земле, и услышишь бессвязный разговор влюбленных, мерную поступь пахарей, торопливые шаги воинов...

«Гибнет Москва, а Москва есть основание России; не забудьте, что пока крепок корень, то и древо крепко; не будет корня, на чем оно будет держаться?»

Когда это было сказано? Триста или тридцать с лишним лет тому назад?

Приложи ухо к этой земле нижегородской, и ты услышишь рыданья жен и матерей, услышишь голоса мужи-

ков, уходящих в ополчение. Но ты не увидишь, были ли они в сермяжных зипунах времен Козьмы Минина или в одежде фабричной выделки. А призыв, родившийся сотни лет назад, будут вспоминать во всякое грозовое время, пока жив русский язык.

2

Есть в Григорове старинная Казанская церковь постройки 1700 года, одноглавая, с невысокой шатровой колокольней, ныне охраняемая государством. В начале XVII века на ее месте стояла деревянная церковь Бориса и Глеба, и служил в этой церкви священник Петр. Жену его звали Марией. Поп любил пображничать, «жизнь жил слабую, прилежаще пития хмельнова», попадья же была иного склада — «постница и молитвенница».

Году в 1621 у них родился первенец.

Крестили крепыша, по обычаю, на восьмой день после рождения, 2 декабря, и родители дали ему имя не по своему хотению, а по святцам, в честь пророка Аввакума.

Встречаются разные переводы этого ветхозаветного имени — «отец восстания», «любовь божия», «сильный борец», но в любом случае оно как бы предвещало сыну григоровского попа необыкновенную будущность...

Зная очень мало о детстве и отрочестве Аввакума, мы можем довольствоваться лишь догадками, основанными на сведениях о быте и нравах русских людей XVII века.

Такое событие, как крестины, весьма возможно, было отпраздновано обильными возлияниями тут же, в церкви Бориса и Глеба. В те времена церковь обычно состояла из трех помещений: алтаря, собственно церкви и теплой трапезной, где стояли столы и скамьи. Здесь прихожане собирались решать свои мирские дела, тут задавались шумные пиры, тут хранились общественные деньги и документы. А если церковь была каменная, то и сундуки с наиболее ценными пожитками, на случай пожара. Благо церк-

вей, особенно в городах, было много — не менее одной на десяток дворов. Тут же обучали ребятишек грамоте — сперва по букварю, потом по часослову и, наконец, по псалтырю. Священники, дьяконы, пономари — педагоги не ахти какие, но тем не менее они делали грамотным (не без помощи розог) каждого пятого крестьянина Московского царства, не говоря уже о почти поголовной грамотности служилых и торговых людей.

Маленькому Аввакуму не приходилось давать «кашу да гривну денег» за науку, которую он проходил у отца и грамотной матери. И со своей феноменальной памятью Аввакум, конечно, уж годам к десяти, подобно тому как потом маленький Петр I, «книжное учение толико имел в твердости, что все Евангелие и Апостол наизусть мог прочитати».

И не просто прочитать. Мать его Марья была исступленно благочестива и ревностно соблюдала посты и обряды. Она часто растолковывала ему строки Евангелия, грозя страшными карами за невинные детские прегрешения. Страх божий заставлял мальчика вставать рядом с матерью на ночную молитву, простираться ниц перед загадочно-спокойными, будто бы хранящими великую тайну иконными ликами.

Рано стал он размышлять над евангельским учением, связывать его с тем, что видел вокруг. В душе его с детства жило острое чувство справедливости. Он всю жизнь страстно ненавидел любое проявление неправды, в ярости своей часто забывая об основном требовании христианства — кротости и смирении.

Впечатлительность мальчика однажды подверглась серьезнейшему испытанию. Он увидел дохлую скотину во дворе у соседа. В детстве встреча со смертью — это всегда потрясение. Страх не выветрился у подвижного Аввакума и за целый день беготни с ребятишками по улице, гоньбы голубей и барахтанья в чистом, питаемом ключами, григоровском пруду.

Он проснулся среди ночи в холодном поту и «пред образом плакался... о душе своей, поминая смерть». Его поразила мысль, что и он может вот так умереть, и это вызвало чувство ужаса перед страшными, потусторонними силами, против которых бессильно его живое тело и сознание...

В наше время всякий, кто вздумает пройти от волжской пристани Работки проселочной дорогой через Лопатищи и другие села до самого Григорова, обратит внимание на то, что эта холмистая местность почти совершенно безлесна. В XVII веке здесь были густые леса, в чащобах прятались языческие капища мордвин. Русское православие не только благополучно соседствовало с язычеством, но и старалось до поры не замечать, как прекрасно уживались языческие поверья с верой в Христа.

Сельский мальчишка, Аввакум верил и в леших, и в водяных, и в домовых, и в русалок. Как и для прочих ребят, вся природа для него была одушевлена, и он, словно истый язычник, даже смерть представлял себе живой.

Отец Аввакума, сельский поп Петр, по образу жизни почти ничем не отличался от своей не слишком ревностной паствы. Так же, как и все крестьяне, он пахал свой надел земли, сеял, собирал урожай, напивался по праздникам, буйствовал, бывал бит... Правда, закон предусматривал строгую кару за это — особенно если в драке с попа сбивали на землю скуфью. Приспособился народ! Аккуратно снимали шапочку, вешали ее на забор, а попа все равно били. Кроткими русские крестьяне не были и не спускали обиды никому — ни начальнику, ни попу.

Поп Петр скончался рано, оставив Марью с целым выводком ребятишек. Самому старшему — Аввакуму — исполнилось тогда лет двенадцать. Он помогал матери пестовать сестер и братьев: Григория, Кузьму, Герасима, Евфимия... Рано узнал тяжкий крестьянский труд.

3

Период нравственного становления Аввакума просматривается сквозь толщу лет весьма смутно, но именно в юношеские годы он познакомился почти со всеми главными действующими лицами исторической драмы, название которой известно очень широко.

Это раскол.

И согласно прописям, по которым развивается драматическое действо, в первом акте завязывается узел интриги, ради чего действующие лица собираются в одном месте. Этим местом оказался клочок земли, лежащий на юго-востоке от Нижнего Новгорода и ограниченный на юге селом Вельдемановым, а на востоке — монастырем Макария Желтоводского, у стен которого тогда же учредилась царским указом знаменитая на всю Русь Макарьевская ярмарка.

Григорово находилось всего верстах в пятнадцати от большого мордовского села Вельдеманова, принадлежавшего стольнику Григорию Зюзину, и именно там в семье крестьянина Мины родился сын Никита, будущий противник Аввакума.

Это удивительное совпадение.

«Простолюдин есмь», — отвечал юный Никита Минин на вопрос о своем происхождении. Но ему предстояла блистательная будущность. Став в иночестве Никоном, он взошел под этим именем на патриарший престол.

По преданию, некий мордовский волхв, потрясая палицей, предрек ему у лесного капища:

— Ты будешь государь великий!

Такие предсказания глубоко западали в душу, но пока честолюбивому отроку жилось несладко под гнетом злой мачехи, и он часто сбегал от нее в Макарьев монастырь, где овладевал книжной премудростью и удивлял даже монахов силой духа и упорством в совершении монастырских подвигов.

Монахи не жалели ни книг, ни поучений для способных юношей, тянувшихся сюда со всей округи. Часто наведывался в монастырь и Аввакум и, верно, встречался с Никитой Мининым, хотя тот был много старше. Во всяком случае, впоследствии, приходя в неистовство от одного имени Никона, он вспоминал: «Я Никона знаю — недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мать русалка, Минька да Манька, а он, Никитка, колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводском монастыре с книгою поводился...»

Никита Минин остался в монастыре, где жадно поглощал книги, исподволь готовя себя к великой роли. Грамоте же он выучился еще мальчонкой у священника села Колычева, почтенного отца Ивана, сын которого стал епископом коломенским Павлом и был сожжен по приказанию подросшего Никитки, непреклонного патриарха Никона. Совпадений становится все больше...

На сестре Павла Коломенского был женат молодой человек, который стал митрополитом суздальским Иларионом. Он был сыном священника Анании из ближнего села Кирикова. В разное время учениками и духовными детьми Анании были все тот же Никитка Минин и будущий протопоп Иван Неронов, ставшие смертельными врагами. И еще с одним Иларионом часто встречался юный Аввакум. Стал этот Иларион попом в большом селе Лысково, раскинувшемся на холмах против Макария, потом игуменом этого монастыря и, наконец, митрополитом рязанским. Это к нему, врагу своему, обращался впоследствии Аввакум со словами: «А ты кто?.. Яковлевич, попенок!.. Недостоин век твой весь Макарьевского монастыря единой ночи».

В Макарьеве же принял монашество будущий покровитель Аввакума, архиепископ сибирский и тобольский Симеон.

Откуда-то из нижегородских пределов вышел и еще один покровитель Аввакума — духовник царя Алексея